

ОБЩЕСТВО.СЕВЕР

"Урок преодоления отчаяния". К 130-летию Евгения Шварца

09 октября 2026

Евгений Львович Шварц

9 октября по старому стилю (21 октября по новому) – 130 лет со дня рождения писателя Евгения Шварца. Его произведения давно разошлись на цитаты, но не потеряли актуальности. Потому что Шварц хорошо знал, как устроена жизнь при Драконе, как чья-то Тень может захватить власть, что представляют собой "лучшие люди города", и как легко выдать страх за благоразумие, а трусость и покорность – за добродетель.

Север.Реалии поговорили с современными российскими писателями о том, какие цитаты из Шварца вспоминаются им сейчас чаще всего и как удалось ему в текстах про драконов, королей и волшебников так точно отразить время. И не только свое.

| "Вам показалось, что это не Гитлер? "

В пьесах Шварца можно найти точный диагноз самым опасным нынешним общественным заболеваниям, уверен писатель Виктор Шендерович.

Виктор Шендерович.

– У меня из любимых его цитат – "единственный способ избавиться от драконов – это иметь своего собственного". Менее известная цитата из пьесы "Тень" – когда Ученый спрашивает у Доктора, чем больны отдыхающие, тот отвечает: "Сытостью в острой форме. – Это опасно? – Да, для окружающих". Это наш диагноз нулевых и 2010-х – когда человек глохнет, перестает видеть,

чувствовать. Но самое употребительное – "Всех учили. Но зачем ты оказался первым учеником", это уже мем, его повторяют и те, кто Шварца не читал, – говорит Шендерович.

Время, в которое писателю выпало жить, очень точно отразилось не только в пьесах Шварца, но и в его [дневниках](#) ⁱ.

– Там мы читаем драматические, на разрыв, признания, касающиеся 1930-х годов, когда сажали в тюрьму, убивали его близких друзей. Он сам чудом проскочил "между струек". В его дневнике – обнажённый нерв, стыд и такое самобичевание за то, что он не может ничего сделать, без попыток самооправдания. Он пишет – вот, говорят: "Возделывай свой сад". Но там, за оградой сада убивают человека. Тут понятна степень личной боли. Он возделывал свой сад и не мог предотвратить ничего, ни арест [Заболоцкого](#), ни гибель [Олейникова](#).

"Страшно было. Так страшно, что хотелось умереть. Страшно не за себя. Конечно, великолепное правило: "Возделывай свой сад", но если возле изгороди предательски и бессмысленно душат знакомых, то, возделывая его, становишься соучастником убийц. Но прежде всего – убийцы вооружены, а ты безоружен, – что же ты можешь сделать? Возделывай свой сад. Но убийцы задушили не только людей, самый воздух душен так, что, сколько ни возделывай, ничего не вырастет." **Евгений Шварц "Позвонки минувших дней"**

Интересно, что "между струек" чудом прошел не только сам Евгений Шварц, но и его пьеса "Дракон", обошедшая цензуру и даже поставленная Николаем Акимовым в Театре комедии – правда, запрещенная после премьеры.

– Шварц придумал себе нишу: детский писатель. Советская власть была уже вполне бюрократической, были ниши про рабочий класс, про морально-этические проблемы. Вот так же в "Осеннем марафоне", проскочил герой Леонова, рабочий Харитонов. Если бы фильм шёл по разряду фильмов о рабочем классе, то за рабочего Харитонova оторвали бы руки-ноги и Леонову, и всем по периметру, но в

фильме на морально-этические темы он проскочил сквозь цензуру. Шварц шёл по разряду сказок для детей. В каком-то питерском буфете некий писатель похлопал его по плечу: "Что, всё сказочки пишешь?" Шварц ответил: "Это вы сказочки пишете". И правда, сказочки писали они, а он-то писал реальность. И Дракон, и первые ученики, и "сытость в острой форме", и Тень, которая должна знать своё место, всё это осталось, абсолютно живое.

Евгений Шварц

Случай с пьесой "Дракон" Виктор Шендерович называет редчайшим примером победы над цензурой.

– И после книги Натальи Громовой ("*Евгений Шварц. Судьба Сказочника в эпоху Дракона*" – С.Р.) я понял, что победа эта принадлежит режиссеру Николаю Акимову, другу Шварца, который первым ставил его пьесы в Театре комедии. Это очень поучительная история. "Дракон" был большей частью написан в Вятке, в ту пору Кирове. Потом Шварц переехал в Сталинабад и закончил "Дракона" уже там. Акимов повёз его в Москву литовать – это глагол, известный советским людям: проходить цензуру. Это хитрому Акимову, а не Шварцу, видимо, пришла в голову гениальная идея: он отдал 3 экземпляра пьесы в три

разных кабинета, трём цензорам. И каждому невзначай рассказал, что отдал ещё двоим. И вот, сидит советский цензор и читает пьесу "Дракон": 1943 год, война с фашизмом, немецкий город, немецкий дракон, всё немецкое, безусловно антифашистская пьеса. Только ли антифашистская?

Виктор Шендерович уверен, что цензоров "начинала бить мелкая дрожь" – от страха узнать в пьесе что-то, кроме фашизма.

– Был такой анекдот, как в послевоенную голодуху приходит капитан, герой войны, в ресторан, а там ничего нету. Он говорит: "Вот усатый чёрт до чего довёл страну". Его, руки за спину, волокут к Сталину, который спрашивает: "Кого вы имели в виду, товарищ капитан, когда говорили "чёрт усатый"?" Он говорит: "Гитлера". И тот поворачивается к чекисту: "А вы кого имели в виду, когда арестовывали?" Вот и с пьесой "Дракон": а вы кого имели в виду? Почему запрещаете? Вам показалось, что это не Гитлер? Ну-ка, ну-ка, что же вам показалось? И всё – пропустили "Дракона". Побоялись: почему в двух соседних кабинетах не узнали, а ты узнал?

Зато с попытками его поставить все заканчивалось совсем не так удачно.

– Запреты, конная милиция, люди прорывали все кордоны, чтобы увидеть это. Понятно – из каждой реплики пёрло то, что называлось антисоветчиной, хотя на самом деле это была просто свободная, яркая интеллектуальная ирония. Шварц нашёл эту нишу, это был инстинкт самосохранения отчасти. В его дневниках видна степень ярости, ужаса, отчаяния, того, что называется открытый гнев. Пьеса позволяет спрятаться за персонажем. Как писал Маяковский в "Клопе": "Но только не злись на шутки насекомого. Это не про тебя, а про твоего знакомого".

На вопрос, почему эти "сказочки" оказались столь актуальными сегодня, Шендерович отвечает цитатой – потому что тень должна знать своё место.

– Профили тени меняются, но она всегда появляется и берёт власть, и она должна знать своё место. Персонажи "Тени" и "Обыкновенного чуда" все время повторяют – мир кругом дерьмо, нечего притворяться. Учёный объясняет: плохие люди так говорят, потому что так легче. Если весь мир плох, это снимает с тебя моральную ответственность. Шварц писал о людях и об обществе, а это более или менее постоянная величина. И Учёный, и его Тень – просто они носят разные имена. Это может быть академик Вавилов, может быть академик Сахаров. Человек, который не может лгать, участвовать во зле, – и людоеды, которые заведуют ломбардом, у них разные физиономии, разная лексика, но они людоеды. У Шварца характеры настолько точные и ясные, что становятся архетипами.

Шендерович вспоминает персонажа "Тени", журналиста Цезаря Борджиа, раба моды, загоревшего дочерна, когда это было модно, а когда мода прошла, пересадившего на лицо светлую кожу из-под трусов. Когда Ученый спрашивает, не повредило ли ему это, его заверяют: "Нет. Он только стал чрезвычайно бесстыден, и пощечину он называет теперь просто – шлепок..."

– Когда я гляжу на Петра Толстого, Алексея Пушкова, на Захарову, Симоньян, мне кажется, что у них кожа на лице пересажена сзади. Другой человек умрёт со стыда, а они не знают, что это такое. Читая диалоги Шварца, испытываешь почти физическое наслаждение: человеческая психика не меняется, а он дает точный диагноз раз и навсегда, то есть архетип. А дальше новые учёные, новые драконы, новые шарлемани, и среди ланцелотов нету дефицита, одного вон в Харпе убили.

Главный урок, который дает нам Евгений Шварц, это "урок преодоления отчаяния", считает Шендерович. Потому что Дракон оставил рваные души, которые он "лично калечил", и с этими душами надо что-то делать. И тут – "Работа предстоит мелкая. Хуже вышивания. В каждом из них придется убить дракона".

– Если Россия выживет и не станет окраиной Китая, по Бродскому, то тем, кто попытается вернуть её не в более или менее человеческую, совестливую Россию будущего, предстоит эта работа "хуже вышивания", но её надо вести. Работа "хуже вышивания" – вот, может быть, главная цитата из Евгения Шварца сегодня.

"Пишу всё, кроме доносов"

Наталья Громова.

Писатель, литературовед, историк литературы, автор книги "Евгений Шварц. Судьба Сказочника в эпоху Дракона" **Наталья Громова** вспоминает, что в конце пьесы "Тень", когда казненный Ученый воскресает, Доктор говорит: "Слышите вы все: он поступал, как безумец, шел прямо, не сворачивая, он был казнен – и вот он жив, жив, как никто из вас".

– Эта прекрасная цитата у нас висела на стене, и все думали, что это про Навального. На моей выставке "**Обыкновенный волшебник**" в 2021 году было много цитат из Шварца, а всем казалось, что это современные тексты. Люди спрашивали: "А это правда Шварц написал?" Но самая любимая цитата появилась потом, когда я уже вошла в другой мир, в дневники Шварца, они настолько глубокие, там сквозит желание понять, что происходит с ним, со страной, не совершил ли он чего-нибудь ужасного, не предал ли кого-то, не толкнул ли случайно. И вот еще из "Тени": "Хорошие люди всегда побеждают в конце концов, но некоторые из них иногда погибают, не дождавшись победы". Это всё и к нам относится, – говорит Наталья Громова.

"Помню вечер вскоре после конца войны у О. Ф. Берггольц. Мы долго рассуждали, что означают некоторые перемены в составе правительства. Шварц молчал. Потом, мягко улыбаясь, сказал: "А вы, друзья, как ни садитесь, только нас не сажайте". Это было неожиданно, и, конечно же, мы рассмеялись, но смех был невеселым". – Из книги Ильи Эренбурга "**Люди, годы, жизнь**".

Наталья Громова вспоминает и еще одну фразу Шварца: "Пишу всё, кроме доносов". Очень важные строки есть и среди его немногочисленных стихов.

Я прожил жизнь свою неправо,
Уклончиво, едва дыша,
И вот – позорно моложава
Моя лукавая душа.
Ровесники окаменели,

И как не каменеть, когда
Живого места нет на теле,
Надежд на отдых нет следа.
А я все боли убегаю
Да лгу себе, что я в раю.
Я все на дудочке играю
Да тихо песенки пою.
Упрекам внимлю и не внимлю.
Все так. Но твердо знаю я:
Недаром послана на землю
Ты, легкая душа моя.

– Шварц видит, что на этом свете абсолютно непонятно, что делать, но понимает, что он послан в утешение. Единственное, что он умеет – играть на дудочке, но не как крысолов, уводящий детей, а наоборот, как человек, способный показывать будущее, в котором всё возможно. Всегда пишут: "Обэриуты и Шварц": они дружили, работали вместе и очень многое вместе переживали. Он был невероятно язвительно-ироническим человеком, как все они, но у него была, в отличие от них, четкая этическая преграда для издевательских шуток, чёрного юмора. Она касалась женщин, животных, вообще отношения к миру, какие-то вещи он себе не позволял. Выражаясь нашим языком, он был христианский гуманист. Считал, что человек в невыносимых условиях греется возле зажжённой спички.

"11 декабря 1956. Никогда я не думал, что хватит у меня спокойствия заглянуть в те убийственные дни, но вот заглядываю. После исчезновения Олейникова, после допроса на собрании, ожидание занесённого надо мной удара всё крепло. Мы в Разливе ложились спать умышленно поздно. Почему-то казалось особенно позорным стоять перед посланцами судьбы в одном белье и натягивать штаны у них на глазах. Перед тем как лечь, выходил я на улицу. Ночи ещё светлые. По главной улице, буксуя и гудя, ползут чумные колесницы. Вот одна замирает на перекрёстке, будто почуяв добычу, размышляет – не свернуть ли? И я, не знающий за собой никакой вины, стою и жду, как на бойне, именно в силу невинности своей". **Евгений Шварц. Живу беспокойно... Из дневников.**

Для Натальи Громовой важна созданная Шварцем галерея женских образов – Герда, Золушка – которые защищают, спасают, закрывают.

Евгений Шварц, Комарово, лето 1956 г. На заднем плане - Е.В.Юнгер.

– Одним из примеров такого женского самопожертвования была для него и жена Заболоцкого Екатерина Васильевна Клыкова. Она ездила без конца к мужу в ссылку, а Шварц со своей женой брали на это время к себе их детей, Наташу и Никиту. Он близко видел, как эта женщина, которая как будто была тенью мужа, а на самом деле – стала его спиной, его силой. Шварц не дожил до развязки этой истории. Когда возник роман Екатерины Васильевны с Гроссманом, для Заболоцкого это была катастрофа: эту женщину он считал частью себя. Шварц размышляет о её невероятной внутренней силе, о её упорстве в любви и верности. Но когда она стала нужна другому человеку, который тоже страдал, она оказалась рядом с ним. Такие сюжеты я очень люблю, они показывают, на чём люди держались.

Лучшей пьесой Шварца Наталья Громова считает "Обыкновенное чудо": три истории любви, "которые все смотрят друг в друга".

– В это время Шварц очень тяжело болеет. Фактически умирая, он говорит, что людям подвластны вещи, которые кажутся абсолютным чудом. Надо сказать, что круг, к которому Шварц принадлежал, считал, что всё это очень наивно. Но Шварц устоял: он был невероятно остроумен, говоря о человеческих характерах, власти, всех ужасных сторонах жизни, но при этом не отменял в людях лучшее, что в них есть, не впадал в отрицание, в черноту человека.

Наталья Громова говорит, что в своем "Драконе" Шварц предвосхитил многие позднейшие исследования природы тоталитаризма.

– Он угадывает одну вещь, которую угадала только в 1961 году Ханна Арендт на процессе Эйхмана, слушая его объяснения, что он просто чиновник, который подписывал приказы. А Шварц уже в "Драконе" показал банальность зла – люди привыкают ко злу, включают его в свою жизнь как норму – и уже не знают, что это зло... У меня есть глава про Шварца и Берггольц, которые подружились в радиокомитете в блокаду – они оба чувствуют себя в одиночестве перед абсолютной мировой катастрофой. И оба в дневниках выходят на библейский язык. У нее звучит: "О не забуду тебя, Иерусалим", то есть блокадный Ленинград. А Шварц пишет о Страшном суде, на котором он стоит как причастный ко всему, что творилось. Он говорит – я буду отвечать на Страшном суде: я ведь так же боялся, я так же лгал.

"Человек, знающий за собой вину, понимает, как вести себя: уголовник добывает подложный паспорт, бежит в другой город. А будущие враги народа, не двигаясь, ждали удара страшной антихристовой печати. Они чуяли кровь, как быки на бойне, чуяли, что печать "враг народа" пришибает без отбора, любого, – и стояли на месте, покорно, как быки, подставляя голову. Как бежать, не зная за собой вины? Как держаться на допросах? И люди гибли, как в бреду, признаваясь в неслыханных преступлениях <...>. Нет, этого ещё никто не переживал за всю свою жизнь, никто не засыпал и не просыпался с чувством невиданной, ни на что не похожей беды, обрушившейся на страну. Нет ничего более косного, чем быт. Мы жили внешне как прежде. Устраивались вечера в Доме писателя. Мы ели и пили. И смеялись. По рабскому положению смеялись и над бедой всеобщей, – а что мы ещё могли сделать? Любовь оставалась любовью, жизнь – жизнью, но каждый миг был пропитан ужасом". **Евгений Шварц. Живу беспокойно... Из дневников. Запись от 7 декабря 1956 года**

Шварц писал, что, находясь внутри этого кошмара, он мог только одно – свидетельствовать. И Ольга Берггольц тоже считала, что именно за этим оставлена в живых.

– Рифмы такие, что прямо бьёт по голове. Тем более сейчас, когда все возвращается и оживает, как в "Драконе", только в ещё более угрожающем варианте. У нас были шансы увидеть и не повторить. Мы увидели и повторили. Но это уже не фарс, это ещё большая трагедия, мы не просто повторяем, воспроизведение происходит оттого, что мы не осмыслили прежнее.

"Мы сейчас живём в третьем акте Шварца"

Писатель, поэт, журналист **Дмитрий Быков** тоже говорит, что чаще всего вспоминает сегодня фразу про "первого ученика".

Дмитрий Быков

– Но еще больше того, что разошлось на цитаты, мне нравятся фразы типа "Сахар и сливочное масло, бледные как смерть, неслись из магазинов на склады. Ужасно нервные продукты. Как услышат шум боя – так и прячутся". И, конечно, цитаты из дневников. Почти всё, что он написал о своих отношениях с женой, для меня актуально. И сами их отношения для меня всегда были идеальными. Дневниковая книжка Шварца

"Живу беспокойно" среди меня разошлась на цитаты очень рано. А самая любимая и самая зрелая пьеса – "Обыкновенное чудо", – говорит Дмитрий Быков.

Больше всего он любит третьи акты его пьес, где "всё ужасно, всё хуже некуда", но в итоге приходит спасение или примирение.

– Третий акт "Обыкновенного чуда", где героиня явно умирает, это полное отчаяние. А потом неожиданно начинает просветляться. Мы сейчас живём в третьем акте Шварца, при этом я прекрасно понимаю, что он в хэппи-энды не верил, но у него их, собственно, и нет, финал "Дракона" – вовсе не хэппи-энд. Фраза "И все мы после долгих забот и мучений будем счастливы, очень счастливы наконец!" выражает крайнюю степень усталости.

Дмитрию Быкову нравится место, где Ланцелот говорит, что мир сам ведёт свою хронику: "...в Черных горах, есть огромная пещера. И в пещере этой лежит книга, исписанная до половины. ...Кто пишет? Мир! Горы, травы, камни, деревья, реки видят, что делают люди. Им известны все преступления преступников, все несчастья страдающих напрасно".

А еще Быков любит пьесу "Повесть о молодых супругах", хотя и называет ее "сравнительно непопулярной". Реалистический Шварц не уступает сказочному, а где-то и превосходит, считает Быков, как в пьесе "Одна ночь" – о том, как мать пробирается в блокадный город, чтобы увидеться с дочерью.

– Когда я был в Кирове в командировке, я видел в театральных архивах его роспись дрожащей рукой в зарплатной ведомости – он там какое-то время был завлитом, и черновики "Одной ночи". На ней очень сильный отпечаток настоящего вдохновения. Это попытка сделать сказку из реалистического сюжета. Да и сама блокада – страшная сказка, готическая, кошмарная: мёртвый город, ночные улицы, ни света, ни тепла. А внутри – люди, проявляющие сказочные добродетели, сказочное мужество, сказочную верность. Не обязательно писать про принцесс.

Можно написать блокадную сказку. Это стало для меня шоком, что внутри соцреализма возможен такой шедевр.

По мнению Дмитрия Быкова, интонации Шварца вполне приложимы к современному материалу, тем более что сейчас мы "реальностью нажрались по самое не могу, и все ждём, когда же наконец будет сказка". Особенно, считает писатель, все заждались развязки, четвертого акта.

– Если бы современникам Шварца сказали, что он драматург номер один, они бы, конечно, офигели. Но правда заключается в том, что в литературном процессе иной раз самое надёжное – быть маргиналом, который каким-то образом на кривой козе въезжает в вечность... Мне очень нравится, как Шварц вспоминал, что в детстве на него однажды лаяла собака, и он очень перепугался. А у него был букет. И он в нее бросил букетом цветов. Шварц, который букетом цветов бросает в бешеную собаку, это и есть главная метафора его творчества.

Евгений Шварц родился в 1896 году в Казани. Детство его прошло в Майкопе, где врачом работал его отец. В 1914 году Шварц поступил в Московский университет, в 1916-м бросил его и был призван в армию. Во время Гражданской войны он участвовал в **Ледяном походе**, после контузии демобилизовался, поступил в университет Ростова-на-Дону, играл в "Театральной мастерской". При большевиках служил актёром и театральным инструктором политотдела **Кавказского фронта РККА**. С 1921 года Шварц жил в Петрограде, работал секретарем у Корнея Чуковского, в 1925-1931 годах – в детской редакции Маршака в Госиздате, публиковался в журналах "Ёж" и "Чиж". Первую драматическую сказку Шварца "Ундервуд" поставил ленинградский ТЮЗ. В 1929 году Шварц развелся с первой женой и женился на Екатерине Зильбер, которой позже посвятил пьесу "Обыкновенное чудо". В 1930-е годы он много работал для театра и кино, в 1940 году создал для театра **Акимова** пьесу "Тень", которая была запрещена цензурой почти сразу после премьеры. В первые месяцы блокады Ленинграда Шварц работал на радио, сблизился с Ольгой Берггольц. В этот период он общался и с Дмитрием Шостаковичем, который был эвакуирован из города в октябре 1941 года. Сам Шварц покинул осаждённый Ленинград в декабре. Начатую в Ленинграде пьесу "Дракон" закончил уже в эвакуации. После войны по сценариям Шварца были сняты фильмы "Золушка" и "Первоклассница". Последняя пьеса, над которой он работал, – "Повесть о молодых супругах". Евгений Шварц умер от проблем с сердцем в январе 1958 года.

Культура

Регионы

Общество.Север